

*Клепикова Л.В.**

**ПОНЯТИЕ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ВОСТОК»
В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ИСТОКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ[©]**

Аннотация. В работе анализируется понятие «европейского Востока», причины его возникновения и функции в культурно-философском дискурсе Западной и Южной Европы. Особое внимание уделяется образу Балкан: как он возник в европейском историческом нарративе и какие политико-культурные функции выполнял. В качестве теоретического подхода в статье использованы концепции ориентализма как орудия господства Запада над Востоком и ментальных карт как воображаемой системы упорядочивания окружающей реальности. Автор приходит к выводу о гетерогенной природе образа «европейского Востока» и его способности к трансформации в зависимости от того, какую цель преследует использующая его социальная группа.

Ключевые слова: ориентализм; европейский восток; нарратив; дискурс; образ; ментальные карты; балканизм; Сербия.

Поступила: 29.02.2024

Принята к печати: 22.03.2024

* *Клепикова Любовь Владимировна* – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Российского университета транспорта (РУТ МИИТ), Москва, Россия; sevell1@rambler.ru

Klepikova Liubov Vladimirovna – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of “Philosophy” at the Russian University of Transport (RUT MIIT); Moscow, Russia; sevell1@rambler.ru

© Клепикова Л.В., 2024

Для цитирования: Клепикова Л.В. Понятие «европейский Восток» в философско-историческом дискурсе: истоки и интерпретации // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 127–139. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.06

Klepikova L.V.

The concept of “European East” in philosophical and historical discourse: origins and interpretations

Abstract. The work deals with the concept of the “European East”, the reasons for its emergence and functions in the cultural and philosophical discourse of Western and Southern Europe. Particular attention is paid to the image of the Balkans: how it emerged in the European historical narrative and what political and cultural functions it performed. As a theoretical approach, the paper uses the concepts of Orientalism, as a tool of domination of the West over the East, and mental maps, as an imaginary system for ordering the surrounding reality. The author comes to the conclusion about the heterogeneous nature of the image of the “European East” and its ability to transform depending on the purpose of the social group using it.

Keywords: orientalism; European East; narrative; discourse; image; mental maps; Balkanism; Serbia.

Received: 29.02.2024

Accepted: 22.03.2024

For quoting: Klepikova L.V. The concept of “European East” in philosophical and historical discourse: origins and interpretations // Bulletin of Cultural Studies. – 2024. – No. 2(109). – P. 127–139. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.06

«Европейский Восток» (англ. *European Orient*, нем. *Europäische Orient*) – понятие, имеющее не только географический, но и политический, и культурный смыслы – обычно применяют в отношении южного и/или восточного регионов Европейского континента. Впервые это понятие было использовано в XVIII в., в широкий языковой обиход оно входит примерно в начале – середине XIX в. [Вульф, 2003, с. 38]. В XIX в. «европейский Восток» становится для европейцев географической и политической реальностью. Согласно представлениям той

эпохи, он находился восточнее Вены, примерно в центре владений Габсбургов [Marchand, 2001, p. 465].

Хотя к настоящему моменту понятие «европейский Восток» уже не имеет настолько широкого употребления, «ориентализующий» дискурс по-прежнему используется в отношении восточных и южных регионов Европы. В современных СМИ нередко фигурирует деление на «западное» и «восточное», сопровождающееся стереотипной дихотомией: «цивилизованный – отсталый», «секулярный – фундаментальный» и пр.

В данной работе мы рассмотрим вопрос о дискурсивном конструировании и деконструировании образа «европейского Востока». Мы проанализируем особенности формирования исторических нарративов, способов передачи информации и формирования стереотипных образов, которые привели к появлению образа «европейского Востока».

Необходимо оговориться, что само понятие «европейский Восток» имеет очень многозначную и неопределенную природу, так как под это обозначение в равной степени могут попасть как Балканские страны, так и восточноевропейские государства (современные страны СНГ, Польша и пр.). Причем, говоря о восточноевропейских странах и формировании нарратива вокруг них, нельзя преуменьшать роль исторического нарратива, связанного с советским прошлым и культурными последствиями холодной войны. Поэтому в рамках этой работы мы намеренно ограничим поле нашего исследовательского интереса – главный акцент будет сделан на процессах ориентализации, деориентализации и реориентализации Балканского региона (в частности – Сербии).

Важный стимул для переосмысления ориентальных исследований дал американский литературовед Э. Саид. Он ввел понятие *ориентализация*, под которым подразумевал искусственно созданный образ Востока, благодаря которому Запад утверждал свою гегемонию над ним [Саид, 2006, с. 8]. Различия между «цивилизованным» Западом и «отсталым» Востоком обосновывались эпистемологическими и онтологическими представлениями, которые регулярно встречались в работах западных представителей науки и искусства. С XVIII в. эти представления стали органичной частью «восточного» дискурса и постепенно превратились в реальные политические инструменты, кото-

рые привели к установлению и легитимации власти и превосходства Запада над Востоком.

В середине 1990-х годов сербская исследовательница религий и обществ Балкан и Южной Азии М. Бакич-Хайден (*серб.* Милица Бакић-Хејден) ввела концепцию т.н. вложенного ориентализма (*nesting orientalism*) [Bakić-Hayden, 1995], согласно которой «своих» и «других» находят внутри одной и той же группы, после чего последних «ориентализируют». В качестве подобной группы может выступать Европа, где роль «ориентализированных» «других» исполняют Балканы, «не-цивилизированный» и «отсталый» регион, который тем не менее относится к европейскому пространству. Особенность «вложенного ориентализма» заключается в том, что чем географически западнее находится страна, тем более «европейскими» будут считать себя местные жители в сравнении с территориями, расположенными южнее. Примерами действия «вложенного ориентализма» могут выступать как целые политические образования, так и мелкие социальные группы. Пример 1: принадлежность Хорватии к ЕС (вкуче с католическим вероисповеданием большинства населения этой страны) усиливает и подтверждает «вложенный ориентализм», так как политические акторы и население ощущают себя в более выгодном «европейском» положении, нежели государства, не относящиеся к ЕС (Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория). Пример 2: члены православной религиозной общины ощущают себя более «западными», чем европейские мусульмане Балкан, которые, в свою очередь, «ориентализируют» азиатских мусульман и т.д. Реальное географическое положение государств Южной Европы играет при этом второстепенную роль.

Ментальная связь «более западной» Европы и Балкан анализируется в работе болгарского профессора истории М. Тодорой *Imagining the Balkans*, особенность которой заключается в том, что автор рассматривает Балканы не как географическую единицу на политической карте, а как воображаемое пространство, выполняющее определенную функцию в общественном дискурсе. В европейском культурном пространстве «Балканы» фигурируют в качестве проекции умозрительной «Не-цивилизации», служащей прямой противоположностью тому пространству, где проживают «более европейские» народы, и при этом парадоксальным образом находящейся в этом «европейском»

пространстве. М. Тодорова называет этот феномен «балканизмом» и намеренно отделяет его от ориентализма, так как *балканизм* в европейском дискурсе выполняет связующую функцию моста между «Западом» и «Востоком». Образ Балкан – это полуориентальная, полудикая и полудивилизованная европейская периферия, «европейский Восток» [Todorova, 2009]. В дальнейшем мы будем частично разделять интерпретацию М. Тодоровой. В контексте нашей работы Балканы будут рассматриваться именно как органическая часть ориентального дискурса, сформированного в западноевропейском (и в некотором смысле и в южноевропейском) пространстве, однако атрибутивным свойством «балканизма» останется приписываемая ему связующая функция между «полноценным» Востоком и «настоящим» Западом.

Главная роль в формировании дискурса вокруг «европейского Востока» будет принадлежать воображаемой структуре, по которой окружающий мир организуется таким образом, чтобы у каждой физической локации было фиксированное место на *ментальной карте* (Mental Map), позволяющей ориентироваться в пространстве – не только физическом, но и воображаемом (ментальном) [Henrikson, 1980, p. 505]. В процессе складывания нарратива *ментальная карта* выполняет ту же функцию, что и метафора. Метафоры служат для упрощения коммуникации, избавляют людей от необходимости каждый раз объяснять, что они имеют в виду (например, при использовании слова «восточный менталитет» собеседник примерно поймет – или решит, что понимает, – о чем сейчас пойдет речь). *Ментальная карта* – это олицетворение существующего на данный момент порядка. *Ментальная карта* никогда не бывает ориентирована на физические локации, она всегда основывается на воспоминаниях и воображаемом, возникших в связи с событиями социальной реальности. В этом смысле «европейский Восток» лучше всего иллюстрирует пример типичного объекта ментальной карты. Географический регион, обычно с ним отождествляемый (Балканы), не имеет определенных границ, так как исторически оказался раздроблен в связи с османским завоеванием и другими историческими событиями. К примеру, иногда в зону «европейского Востока» включали Россию с Польшей [Вульф, 2003, с. 36, 43], т.е. «европейским Востоком» вполне могла оказаться не только Южная, но и Восточная Европа, потому что это – культурный проект, образ Другого, сконструированный с целью обозначить запад-

ноевропейскую идентичность. Таким образом, линия между «западным» и «восточным», не имея никаких реальных географических коннотаций, разделяет зоны «благоустроенного и цивилизованного» и «неустроенного и отсталого». Впоследствии ментальные карты превращаются в источник национальных образов и стереотипов, по которым оцениваются государства, их прошлое и даже будущее.

Историю конструирования образа Балкан принято начинать с XIX в., когда можно выделить, по крайней мере, два основных центра его зарождения. С одной стороны, это происходило в рамках развлекательной индустрии Великобритании [Goldsworthy, 2003], где понятие «балканский» ассоциировалось с чем-то «иным», что не соответствовало европейским стандартам. Подобный образ являлся одновременно и притягивающим, и отталкивающим для среднестатистического стороннего европейского наблюдателя. С другой стороны, важную роль в конструировании образа Сербии играла австрийская пропаганда, транслируемая через записки путешественников на страницах венских газет [Rejić, Vivian, 2013].

В XX в. главным распространителем стереотипных образов и представлений о Балканах и Востоке стали США [Goldsworthy, 2003]. Однако, если изначально австрийский, британский и американский дискурсы переплетались между собой и в таком переплетенном виде «импортировались» в другие страны, то после окончания Второй мировой войны европейский и американские образы Балкан и Востока начинают различаться. Американский ориентализм сосредоточился, главным образом, на арабах и евреях Ближнего Востока. В то время как еврейское население поначалу фигурировало в роли жертв, а после 1967 г. стало играть роль победителя, то арабское население так и осталось на позициях «беспомощных, нерешительных и слабых» [Little, 2008, p. 32]. В то же время на европейский ориентализм второй половины XX в. сильно повлияла политическая ситуация, связанная с Югославией времен И.Б. Тито, которая в рамках медийного и политического дискурсов мыслилась, как страна, находящаяся «посередине», ее не включали в ориентальный дискурс [Zimmermann, 2016, p. 271].

Немаловажной частью ориентального дискурса следует назвать ориентализм, развившийся в немецком интеллектуальном пространстве [Asboth, 2023, S. 13; Marchand, 2001]. Его характерная особенность – противопоставление Востока с его «аутентичностью» и «мя-

тежным духом» буржуазному западному миру. Таким образом, пристальное изучение восточного культурного пространства, ассоциировавшегося с миром, описанным в Библии, привело, во-первых, к лучшему изучению восточного пространства по сравнению с западно-христианским, во-вторых, к критике проблем западнохристианского мира с точки зрения политической и этической публицистики [Asboth, 2023, S. 13].

В связи с тем, что ориентализм по меньшей мере с XIX в. условно является важной составляющей европейского (и трансатлантического) медийного и политического дискурса, необходимо определить, образуют ли «Восток» и ориентализированные Балканы гомогенный образ в западном культурном пространстве или их восприятие будет отличаться. Со времен выхода в свет «Ориентализма» Э. Саида воображаемое цивилизационное превосходство остается центральной проблемой ориентального дискурса, которая усложняется тем, что угол ее рассмотрения может сильно меняться в зависимости от того, к какой стране принадлежит сам исследователь [ibid, S. 13]. Здесь нам стоит остановиться на ключевом аспекте работы Э. Саида, который был подвергнут критике другими учеными: Э. Саид писал о взаимодействии Востока и Запада как о фиксированной структуре, единственным назначением которой было утверждение доминирования Запада над Востоком. Никакие гибкие процессы, взаимодействия не принимались во внимание [Schmidinger]. Кроме того, из виду упускался феномен, который условно можно назвать «феномен столкновений», подразумевающий постоянные встречи и взаимодействия с автохтонным восточным населением и вплетением полученного опыта в структуру образа Востока и Балкан [Goldsworthy, 2003]. Стоит отметить, что *феномен столкновений* – это не только то, что касается опыта путешественников, это также перманентные институциональные связи, предполагающие, что разные социальные группы получают похожий культурный опыт и коммуницируют в социальном пространстве. Здесь важно то, что *феномен столкновений* несет в себе не только посредническую, но и функцию отбора информации, заключающуюся в том, чтобы транслировать в общественный дискурс информацию определенного вида. *Феномен столкновений*, благодаря полученному первичному опыту, создает представления о чужом, с которым можно вступить в контакт. Если мы будем рассматривать про-

странство как теоретическую модель, в рамках которой происходят различного вида коммуникации, передача информации и построение различных стереотипических образов (помимо общественных стереотипов сюда же относятся законотворчество и процесс признания в научном сообществе), то обнаружим, что *феномен столкновений* здесь выполняет роль своеобразного поставщика культурного опыта и нарративов, которые впоследствии формируют дискурсы вокруг образа Востока в общем и Балкан в частности.

Еще одной неотъемлемой чертой *феномена столкновений* является так называемая переводческая функция – чтобы быть услышанными на Западе голоса с «европейского Востока» должны быть понятными и переводимыми [Wolff, 2014]. В результате «столкновений» опыт и нарративы «переносятся» из «родных» локаций в другие пространства и наоборот. Если говорить об эпохе империализма, то органичной частью «столкновений» были взаимодействия местных элит и имперских представительных органов. В сложных взаимоотношениях Запада и Востока, помимо политического, также необходимо рассматривать военный и экономический аспекты, так как вовлеченность «столкновений» в деятельность различных институтов, а следовательно, в формируемые ими экономико-политические воззрения, также является предметом анализа – это положение вещей влияет на развитие нарративов и их бытование в общественном пространстве.

В процессе формирования образов «Востока» и «европейского Востока» одну из первостепенных ролей играет исторический нарратив [Kulczycki, 2020], применяемый как самими условными представителями (европейского) Востока, так и по отношению к ним. Мы сознательно не называем это историей данной местности или государства (например, Сербии), потому что речь идет не об истории в ее научном понимании, а о том, *как* рассказывается история: какие исторические события и факты включаются в этот нарратив, *какое значение* им придается, а какие события, напротив, исключаются из исторического нарратива как не стоящие серьезного внимания; каким образом проводится граница между «своим» и «чужим». При этом стоит отметить, что исторический нарратив чаще всего не представляет собой единого монолита, скорее – это множественность различных «историй», в основе которых лежат представления и стереотипы о «своих» и «чужих». Исторический нарратив, который позиционируется

как часть коллективной памяти, может действовать как нечто мобилизирующее и легитимизирующее, поскольку таким образом создаются реальность и социальные ориентиры. В структуре взаимодействия Европы и «Востока Европы» (Балкан) необходимо реконструировать действенность исторических нарративов в области их воздействия на оформление общественного дискурса.

Воображаемое разделение Европейского континента на «Запад» и «Восток» происходило медленно и постепенно. Нарратив о «продвинутом» Западе и «отстающем» Востоке в реальности является продуктом относительно недавнего прошлого. Проблема заключается в том, что «ключевые» исторические события, послужившие разрыву «Запада» с «Востоком», обнаруживаются и художественно акцентируются всегда *post factum*. Далее рассмотрим исторический нарратив, разработанный А. Тойнби, который мы с определенной долей условности назовем «классическим».

Согласно «классическому» историческому нарративу, разделение Римской империи на Западную и Восточную (395 г. н.э.) – это отправной пункт, запустивший череду событий, обусловивших грядущее отделение Востока от Запада. Вторым поворотным пунктом обычно считается Великая схизма 1054 г.н.э., разделившая христианство на католическое и православное [Тойнби, 2008, с. 49]. Событием, разорвавшим последнюю связь между западно-католическим и восточно-православным мирами, стало падение Константинополя в 1453 г. [Тойнби, 2011, с. 163] Данный нарратив выглядит логичным и целостным, способным объяснить все события, включая исторические перипетии XX в. Однако, если мы сравним «классический» нарратив с нарративами, принятыми в отдельных государствах, причисляемых к «европейскому Востоку», то обнаружим несколько несоответствий. Для примера возьмем сербский исторический нарратив, где в качестве поворотного пункта фигурирует битва на Косовом поле (1389). Вокруг данного исторического факта сформирован целый мифотворческий комплекс. Для наглядности обозначим две ключевые интерпретации события. Первая имеет сакральную символику – сербский князь Лазарь Хребелянович, командовавший войсками, сознательно пожертвовал собой, отказавшись от земной империи в пользу Царства Небесного. Таким образом, через поступок лидера сербский народ обретал христианско-мученическую природу, а само место сражения преобра-

жалось в нечто сакральное. Вторая нарративная интерпретация активно разрабатывалась сербской элитой в XIX в. и постулировала, что Сербия, даже потерпев поражение от османских войск, осталась местом на Балканах, сохранившим западнохристианскую культуру, а следовательно, Сербия – часть европейского мира, в свое время насильно отделенная от него. Метафора «семьи европейских народов», с которой Сербию разлучили в результате османского завоевания и оставили в стороне от «прогрессивных» завоеваний Просвещения и Нового времени, – распространена в сербском историческом нарративе [Asboth, 2023, S. 27–28].

Таким образом, хронология «классического» нарратива, называющая финальной вехой 1453 г., расходится, по крайней мере, с сербским нарративом, где дата разделения – это 1389 г., не связанная непосредственно с падением Константинополя. Кроме того, если «классический» нарратив предполагает постепенное формирование двух миров, хотя и имеющих общий корень, но различных по своей сущности, то сербский нарратив, напротив, предполагает органическую связь с Европой, разделение с которой произошло насильственным путем.

Формирование дихотомии «цивилизованный Запад» – «отстающий Восток» в западноевропейском дискурсе находится в тесной связи с военными и экономическими амбициями западноевропейских стран по отношению к землям, находящимся на тот момент под турецким господством. «Европейская Турция» и «европейский Восток» – это западноевропейские наименования, которые, с одной стороны, демонстрировали политическую принадлежность этих регионов, а с другой – символически отделяли их от Османской империи [Asboth, 2023, S. 30]. В этом контексте предполагалось, что нахождение их в османских границах – явление временное, так как они «природно-исторически» относятся к Европе. Что касается непосредственно Османской империи (фигурировавшей в европейском дискурсе почти как полный синоним Турции), она олицетворяла образ противника, который не только представлял угрозу, но и «давал стимул» к дальнейшему развитию и прогрессу [ibid., S. 30]. При этом сам «противник» выступал как нечто неподвижное, представляющее стабильную угрозу, однако не ориентированный, в отличие от Европы, на изменения.

Представления об европейском прогрессе и наращивании инновационного капитала также усиливали ментальную границу между Западом и Востоком. Нарратив прогресса в таких областях как экономика, техника, государственное устройство, наука и предпринимательство основывался и развивался на противопоставлении Запада неподвижному Востоку. Представления о неудаче в области преобразований и модернизации, которые в XVIII–XIX вв. относились к Востоку, впоследствии были перенесены на «европейский Восток».

Таким образом, корни исторического нарратива, обусловившего появление понятия «европейский Восток», лежат в XVIII–XIX вв. и непосредственно связаны с политико-экономическими интересами европейских держав. Впоследствии сконструированный образ был легитимирован культурной необходимостью обозначить собственную «европейскую» идентичность в противоположность «не-европейской». Это не всегда был нарратив «превосходства» («цивилизованный» Запад и «отсталый» Восток), но также и нарратив утраты «Западом» какого-либо культурного элемента, например библейского христианства (немецкий ориентализм). «Европейский Восток» выполнял и выполняет функцию периферии – связующего звена «Запада» с «Востоком». Исторический нарратив, употребляемый в Сербии, значительно отличается от «классического» нарратива, провозглашающего сущностное отличие «Востока» от «Запада», но при этом воспринимает нарративный аспект, признающий Балканский регион «связующим звеном» между западным и восточным регионами. Но если в «классическом» нарративе «европейский Восток» является отдельным образованием на воображаемой ментальной карте (оно отделено от Запада), то для «балканского» нарратива (по меньшей мере для его сербской версии), напротив, важно подчеркнуть свою принадлежность к Европе, отделение от которой воспринимается как насилие со стороны ассоциирующихся с «Востоком» сил.

Список литературы

Исследования

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. – Санкт-Петербург : Русский Миръ, 2006. – 637 с.

Asboth T.E. Der “europäische Orient”: Transnationale und transatlantische Bilder vom “Balkan“, 1850–1918. – Bielefeld : Transcript Verlag, 2023. – 287 S.

Bakić-Hayden M. Nesting Orientalism. The Case of Former Yugoslavia // *Slavic Review*. – 1995. – Vol. 54, Issue 4. – P. 917–931.

Goldsworthy V. Der Imperialismus der Imagination. Konstruktionen Europas und des Balkans // Karl Kaser, Dagmar Gramshammer-Hohl & Robert Pichler (Hg.). Europa und die Grenzen im Kopf, Klagenfurt. – 2003. – S. 253–274.

Henrikson Alan K. The Geographical “Mental Maps” of American Foreign Policy Makers // *International Political Science Review*. – 1980. – Vol. 1, Issue 4. – P. 495–530.

Kulczycki E. Writing a History of Communication Models. Modes of Historical Narrative // Mats Bergman, Kostas Kirtiklis & Johan Siebers (Hg.). Models of Communication. Theoretical and Philosophical Approaches. – New York ; London, 2020. – P. 97–112.

Little D. American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945. – North Carolina : The University of North Carolina Press, 2008. – 393 p.

Marchand S. German Orientalism and the Decline of the West // *Proceedings of the American Philosophical Society*. – 2001. – Vol. 145, Issue 4. – P. 465–473.

Pejić R., Vivian H. A British Traveller in Late Nineteenth-Century Serbia // *Balkanica*. – 2013. – Vol. 44. – P. 255–283.

Schmidinger T. Orientalismus und Okzidentalismus. Zur Einführung in die Begrifflichkeiten und die Debatte. – URL: https://homepage.univie.ac.at/thomas.schmidinger/php/lehre/orientalismus_okzidentalismus.pdf (abgerufen am 22.01.2024).

Todorova M.V. Imagining the Balkans. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 267 p.

Wolff L. The Western Representation of Eastern Europe on the Eve of World War I. Mediated Encounters and Intellectual Expertise in Dalmatia, Albania, and Macedonia // *The Journal of Modern History*. – 2014. – Vol. 86, Issue 2. – P. 381–407.

Zimmermann T. Der Balkan zwischen Ost und West. Mediale Bilder und kulturpolitische Prägungen. – Köln, 2016. – 504 p.

Источники

Тойнби А. Дж. Постигание истории. – Москва : Айрис-пресс, 2008. – 640 с.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 318 с.

References

Wolff, L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow, NLO Publ., 2003. 560 p. (In Russ.)

Said, E. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western conceptions of the Orient]. Saint Petersburg, «Russkij Mir» Publ., 2006. 637 p. (In Russ.)

Asboth, T.E. *Der “europäische Orient”: Transnationale und transatlantische Bilder vom “Balkan“, 1850–1918.* Bielefeld, Transcript Verlag Publ., 2023. 287 S.

Bakić-Hayden, M. Nesting Orientalismus. The Case of Former Yugoslavia. In *Slavic Review* Vol. 54, issue 4, 1995, pp/ 917–931.

Goldsworthy, V. Der Imperialismus der Imagination. Konstruktionen Europas und des Balkans. In *Karl Kaser, Dagmar Gramshammer-Hohl & Robert Pichler (Hg.), Europa und die Grenzen im Kopf*. Klagenfurt, 2003, SS. 253–274.

Henrikson, Alan K. The Geographical “Mental Maps” of American Foreign Policy Makers. In *International Political Science Review*, Vol. 1, issue 4, 1980, pp. 495–530.

Kulczycki, E. Writing a History of Communication Models. Modes of Historical Narrative. In *Mats Bergman, Kęstas Kirtiklis & Johan Siebers (Hg.), Models of Communication. Theoretical and Philosophical Approaches*. New York ; London, 2020, pp. 97–112.

Little, D. *American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945*. North Carolina, The University of North Carolina Press Publ. 2008. 393 p.

Marchand, S. German Orientalism and the Decline of the West. In *Proceedings of the American Philosophical Society*, Vol. 145, issue 4, 2001, pp/ 465–473.

Pejić, R., Vivian, H. A British Traveller in Late Nineteenth-Century Serbia. In *Balkanica*, Vol. 44, 2013, pp. 255–283.

Schmidinger, T. *Orientalismus und Okzidentalismus. Zur Einführung in die Begrifflichkeiten und die Debatte*, URL: https://homepage.univie.ac.at/thomas.schmidinger/php/lehre/orientalismus_okzidentalismus.pdf (abgerufen am 22.01.2024).

Todorova, M.V. *Imagining the Balkans*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 267 p.

Wolff, L. The Western Representation of Eastern Europe on the Eve of World War I. Mediated Encounters and Intellectual Expertise in Dalmatia, Albania, and Macedonia. In *The Journal of Modern History*, Vol. 86, issue 2, 2014, pp. 381–407.

Zimmermann, T. *Der Balkan zwischen Ost und West. Mediale Bilder und kulturpolitische Prägungen*. Köln, 2016. 504 p.